

УДК 316.66-056.266

DOI 10.52452/18115942_2022_2_90

ДРУГАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИНВАЛИДНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ИНВАЛИДНОЙ» ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

© 2022 г.

Е.Э. Носенко-Штейн

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна, д.и.н.; ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва
Nosenko1@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 02.12.2021**Статья принята к публикации 18.04.2022*

Другая телесность и другие техники тела воспринимаются по-разному в зависимости от историко-культурного контекста. Особенности телесности людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в древности обычно рассматривались как негативные качества личности. Отношение к таким людям постепенно меняется с эпохи Возрождения, в литературе и искусстве появляется целая «галерея» людей с инвалидностью, обычно вызывающих сострадание. В российском обществе до сих пор сохраняется немало стереотипов относительно людей с ОВЗ и их телесности. Это нередко находит своеобразное отражение в массовой литературе. За рубежом в результате борьбы людей с ОВЗ за свои права отношение в обществе к ним и их телесности значительно изменилось. В статье предпринята попытка антропологического анализа репрезентации телесности людей с ОВЗ в российской и зарубежной массовой литературе. Автор приходит к выводу, что патерналистское отношение к людям с ОВЗ, являющееся следствием до сих пор распространённой в российском обществе медицинской модели инвалидности, приводит к стигматизации таких людей как *худших*. В то же время изменившееся отношение к людям с инвалидностью как к *Другим*, но не худшим, находит репрезентацию и в зарубежных массовых литературных текстах.

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, Россия, стигматизация, телесность, массовая литература.

Введение

Восприятие *Другой* телесности и других проявлений органов чувств варьирует в зависимости от историко-культурного контекста (включая религиозные предписания, этнические традиции, социальные нормы). В древности *Другая* телесность часто воспринималась как чуждая и иногда опасная в контексте оппозиции «мы – они». В разных обществах люди также обладают различными техниками тела (по-разному ходят, плавают, обнимаются и др.) [1]. Это справедливо по отношению к телесности и техникам тела у некоторых категорий людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), поскольку в древности и многих более поздних традиционных обществах физические или ментальные нарушения часто связывали с негативными личными качествами человека или совершенным им дурным поступком (исключения составляют относительно немногочисленные примеры почитания безумцев и юродивых как божественного избранничества).

В иудео-христианской традиции физические нарушения различных функций человеческого

организма рассматривались как результат божественной кары за грех, совершенный человеком или его предками, либо как испытание в вере [2, 3].

Начиная с эпохи Возрождения люди с различными заболеваниями и дефектами становятся объектом сострадания, а также благотворительности. В художественной литературе появляется целая галерея вызывающих жалость «калек» (глухой горбун Квазимодо в романе В. Гюго «Собор Парижской богоматери», Эдит – полупарализованная девушка в романе С. Цвейга «Нетерпение сердца», слепой мальчик-музыкант в повести В. Короленко и многие другие). Нередко другая телесность и инвалидность отождествляются: например, в романе В. Гюго «Человек, который смеется» главный герой, Гуинплен, лицо которого обезображено разбойниками для того, чтобы показывать его за деньги, физически здоров. Его возлюбленная «слепая красавица» Дея зависит от других людей. Этот глубоко неверный литературный штамп «слепой красавицы» чрезвычайно популярен, однако «взгляд» незрячего от рождения кажется неестественным и застывшим, он портит даже

лица с правильными чертами. С особым «взглядом слепого» до сих пор связаны различные страхи и предрешения [4].

Существовала и традиция репрезентации другой телесности: брезгливое отвращение, подобное тому, которые испытывает главный герой повести М.Ю. Лермонтова «Тамань» по отношению к слепому подростку.

В художественной литературе обычно встречается репрезентация именно людей с *Другой* телесностью или техниками тела: незрячие, с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА), реже – с ментальными или психическими заболеваниями, еще реже – глухие. Люди с тяжелыми заболеваниями внутренних органов (сердечно-сосудистыми, рядом неврологических или аутоиммунных), ведущими к инвалидизации, но не проявляющимися визуально, редко становятся персонажами литературных произведений.

В советской литературе репрезентация людей с инвалидностью и *Другой* телесностью – довольно редкое явление, так как в идеологии того времени труд считался почетной обязанностью каждого члена общества, в котором царил культ здорового тела [5]. Поэтому люди с инвалидностью обычно изображались как герои, мужественно преодолевшие недуг или увечье и ставшие «общественно полезными» (как Алексей Мересьев или Павка Корчагин).

В современном российском обществе продолжают сохраняться ряд негативных стереотипов относительно людей с ОВЗ («бесполезности», «обузы для общества», «бремени для семьи»), которые нередко находят отражение в массовой литературе. За рубежом с 1960-х гг. развернулась борьба многих меньшинств, в том числе людей с инвалидностью, за свои права, и это привело к изменению восприятия таких людей, в том числе воплощенного в массовой литературе.

Источники и методы

Для анализа я выбрала российские и зарубежные (британские) женские детективные романы, написанные в последние два десятилетия и получившие большую популярность. Массовая литература отражает распространенные в обществе предрешения, стереотипы и в силу этого представляет интерес для антропологического анализа. Репрезентация людей с ОВЗ и их телесности, по моим наблюдениям, имеет место чаще именно в «женских» детективах, чем в аналогичных текстах, написанных мужчинами. Не будучи литературоведом, я не анализирую эти тексты с точки зрения их литературных до-

стоинств, но делаю попытку сравнительно-антропологического анализа главных тенденций в изображении «инвалидной» телесности и органов чувств.

Во вводной статье, написанной для раздела, посвященного различным проблемам инвалидности¹, коротко говорилось об основных моделях инвалидности и терминах. В своих исследованиях я исхожу из социокультурной (историко-культурной) модели, согласно которой инвалидность есть биосоциальный феномен, варьирующий в зависимости от историко-культурного контекста и конструируемый в конкретном обществе. В этой статье я стремилась проанализировать репрезентацию телесности людей с некоторыми категориями инвалидности.

Такие разные незрячие

Хотя от художественных произведений вряд ли можно ожидать медицинских подробностей и точности в описаниях телесности и техник тела людей с ОВЗ, однако в российских детективах встречается множество ошибок, которые являются следствием распространенных негативных стереотипов или невежества авторов относительно проблем и внешности таких людей, которые живут как будто на обратной стороне Луны [6], о которой еще несколько десятилетий назад было почти ничего не известно.

В повести Е. Михайловой «Счастье Марии Ивановны» ошибочно описываются движения женщины, теряющей зрение (в результате прогрессирующего сахарного диабета и последующего заболевания сетчатки, ведущего к слепоте). Героиня быстро теряет зрение, но, как подчеркивается в повести, самостоятельно (без использования белой трости или собаки-поводыря) передвигается по улицам Москвы:

«И никто не догадывался, что путь, люди, дома и вывески тают в ее прогрессирующей слепоте. Зрение – одна из самых страшных предательских потерь для одинокого человека, который мог подработать себе на жизнь только с его помощью» [7].

Даже незрячие от рождения, учившиеся в хороших коррекционных школах и/или получившие социально-бытовую реабилитацию, редко ходят самостоятельно, особенно в мегаполисах, которые в силу несовершенного состояния доступной среды и напряженного трафика представляются недружественными для людей с ограниченной мобильностью. Эти проблемы усугубляются для поздноослепших, они в большинстве случаев не адаптированы физически и психологически и обычно опасаются самостоятельно ходить по улицам без сопровож-

дения. Они двигаются медленно и неуверенно, часто выставляя перед собой руки, боясь натолкнуться на препятствие или защищаясь от столкновения. М. Мосс подчеркивал: техника тела в каждом обществе учат [1], т.е. это происходит в процессе социализации, что верно относительно людей с инвалидностью. Но это справедливо для инвалидов детства, которых учат «правильно» двигаться (с учетом особенностей их телесности), включая правила гигиены, поведение за столом и пр. Это относится в первую очередь к детям, которые растут в благополучных семьях и не испытывают гиперопеки со стороны близких. Людям с поздней инвалидностью приходится овладевать (нередко самостоятельно) новыми техниками движения (включая уход за телом, поддержание порядка в доме, пользование столовыми приборами), что особенно тяжело для пожилых людей (именно о пожилой женщине идет речь в повести), которые нередко в подобных ситуациях оказываются беспомощными.

Как уже говорилось, образы незрячих встречаются в беллетристике довольно часто, в том числе в контексте избегания (включая физическое дистанцирование, вызванное чувством отвращения к проявлениям *Другой* телесности). Например, в романе Н. Солнцевой «Натюрморт с серебряной вазой» сделана попытка построить сюжет по образцу лермонтовской «Тамани», включая изображение незрячего мальчика, которого почти не называют по имени, но, что довольно характерно, по обозначению его дефекта («слепой», «слепой мальчик»). Автор неоднократно подчеркивает, что ребенок вызывает брезгливое отвращение не только у окружающих, но и у самого себя.

Его бабка говорит о нем: *Мать бросила его из-за увечья, не отдавать же мальчика в интернат. Он слепой с рождения. <...> У слепых очень развитый слух, осязание, обоняние, они ориентируются по-другому, не так, как мы. Он не любит солнечный свет. Гарик не видит света, он предпочитает одиночество, общается неохотно, он почти постоянно сидит дома. <...> Скорее всего, ребенок сам стесняется своего физического уродства и отсиживается дома [8].*

Здесь мы видим грубые ошибки и противоречия (ребёнок не видит от рождения, но не любит солнечный свет), продиктованные глубокой стигматизацией людей с ОВЗ и их телесности.

Для сравнения, в одном из романов, написанных Р. Гэлбрейтом (псевдоним Джоан Роулинг), выведена тоже незрячая женщина-политик, которая не просто успешна и реализо-

вала свои способности, но привлекательна физически (в книге неоднократно подчеркивается ее эlegantность):

Достопочтенная Делия Уинн, валлийка шестидесяти с небольшим лет, была, по сведениям Страйка, незрячей от рождения. ...Ее фотографии, непременно с собакой-поводырем палевой масти лабрадором, в последнее время не сходили с газетных полос. Теперь ее любимым детищем стали паралимпийские игры. ... Эта женщина, умная и не чуждая сострадания, произвела на него вполне благоприятное впечатление [9].

Различия в описаниях связаны не только с разницей в уровне жизни и возможностях для незрячего человека в России и Великобритании, но в первую очередь в разнице подходов к инвалидности как таковой и ее проявлениям [10].

Немота или отказ от мира звуков?

В отечественных детективах репрезентация глухоты и связанных с ней проблем встречается редко. Это лишь отчасти обусловлено трудностями коммуникаций с глухими людьми, пользующимися жестовым языком. Они испытывают трудности в общении с условно здоровыми людьми и прибегают к помощи сурдопереводчика. Обученные читать «с губ» усваивают не всю информацию (от 30 до 50% [11]). Трудности коммуникации ведут к тому, что о мире глухих условно здоровые люди, включая авторов отечественных детективных романов, знают мало, а их особенности описываются не просто с рядом грубых ошибок, но с полным отсутствием понимания проблем таких людей. В детективе Т. Луганцевой «Шах белым конем от белой королевы» несколько раз встречаются изображения глухой девушки, которую опять же не называют по имени, обозначая ее вышедшим из употребления в публичном дискурсе термином «глухонемая» (глухие люди к такому обозначению относятся крайне негативно, считая его оскорбительным). Одна из героинь «легко» общается с глухой девушкой, якобы без затруднений овладев жестовым языком:

Ты знаешь язык глухонемых? – запоздало удивился Юра. – «Студенткой выучила. Причем запомнила язык жестов очень легко потому что это – заданная математическая программа». – «Ты говоришь так можешь?» – «Конечно. У нас в институте был один слабослышащий и очень плохо говорящий мальчик, все с ним общались только так. Кто мог, конечно» [12].

Между тем в русском языке существует два жестовых языка со своей структурой. Профессия сурдопереводчика требует овладения спе-

циальными навыками, а прочие люди обычно могут усвоить несколько десятков наиболее простых и употребительных жестов.

Более того, в сообществе глухих существуют две субкультуры: людей, владеющих жестовым языком (языками) и ориентированных на так называемую «культуру глухих и высоко ценящих ее» [13]; и тех, кто читает «с губ» и предпочитает интеграцию в мир условно здоровых людей. Эта коллизия – столкновение сторонников двух субкультур – получила яркую репрезентацию в детективном романе британской писательницы Э. Джордж «Ради Елены». Весь сюжет сосредоточен вокруг глухой девушки Елены (ставшей жертвой преступления), а также ее взаимоотношений с миром Глухих и миром условно здоровых людей, с которыми она не сумела полностью себя идентифицировать. Вот как описывается, например, диалог между ведущим расследование инспектором Линли и преподавателем Кембриджского университета Кафом:

Елена Уивер была глухой. Глухие студенты... неформальное общество глухих студентов Кембриджского университета ...Союз был создан для поддержки довольно значительной части глухих студентов, учащихся в университете. Его члены исповедуют идею глухоты как особой культуры, не считая ее физическим отклонением. Эти ребята гордятся тем, что они такие, продолжал Каф. Они много сделали для внушения глухим студентам чувства самоуважения. Нет ничего постыдного в том, чтобы объясняться жестами, а не словами. Никакого греха в том, что не умеешь читать по губам. – Но Вы говорите, что Энтони Уивер хотел, чтобы его дочь держалась от них подальше? Если она сама была глухой. То это полная бессмыслица. ... Елена могла читать по губам, наконец объяснил он. – Она также довольно хорошо говорила. Ее родители, особенно мать, посвятили жизнь тому, чтобы она стала нормальной женщиной (выделено мной. – Е. Н.-Ш.) в нормальном мире. Они хотели, чтобы все считали ее слышащим человеком, поэтому для них общество глухих студентов было шагом назад <Далее рассказ о том, что девушка знала язык жестов, так как родители под давлением социальных служб направили ее на курсы по изучению жестового языка>. ...Но родители хотели, чтобы у нее появился шанс попасть в мир нормально слышащих людей... Допустим, это она освоила, – согласился Линли. – Но интересно, к какому миру она себя относил. ...Она жила как бы между двух миров и, как Вы сами сказали, не могла уверенно чувствовать себя ни в одном из них [14].

Таким образом, британская писательница в отличие от российской обнаруживает не просто

довольно детальное знакомство с описываемой проблематикой, но и делает попытку художественными средствами отобразить коллизии человека «между двух миров», каковыми оказываются глухие и слабослышащие в ряде современных обществ.

Беспольное тело

Люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата (последствия разного рода травм, ампутаций, заболеваний позвоночника, конечностей или нервной системы, например, детский церебральный паралич, рассеянный склероз и др.) нередко становятся главными или эпизодическими персонажами детективных женских историй последних двух десятилетий. Низкий уровень доходов семей с такими людьми, отсутствие доступной среды, качественных лечения и медицинской, психологической и социальной реабилитации, а также традиция советской эпохи, согласно которой человек, не имеющий возможности «нормально» трудиться, считался человеком «второго сорта», – все это приводит к тому, что в российской массовой литературе широко распространился стереотип «несчастливого инвалида», живущего в изоляции, не способного к труду или какой-либо полезной деятельности, в силу чего он превращается в «бремя» для семьи. Телесность и техники тела таких людей описываются крайне упрощенно и часто неточно, по всей видимости, из желания вызвать снисходительную жалость к ним и их близким. При описании телесности этих людей нередко встречаются пейоративные определения. Например, в романе Е. Михайловой «Закат цвета индиго» изображен мужчина, ставший инвалидом в раннем детстве в результате полученных тяжелых травм и с тех пор испытывавший трудности с передвижением (хотя ничего конкретного читатель об этом так и не узнает). Он добился определенного успеха в бизнесе, однако в романе часто обозначается как «калека» [15].

В традиционных обществах люди с физическими и ментальными нарушениями обычно воспринимались как «лишний рот». Позднее, в эпоху развития массового производства, такие люди, как правило, не могли в нем участвовать и тоже рассматривались как обуза. Уже упоминавшийся мотив «обузы» или «бремени», утвердившийся в советскую эпоху по отношению к неработающим (или работающим в «неполную силу»), кочует по страницам массовой российской литературы. В романе Е. Михайловой «Солнце в крови» есть несколько эпизодов, в которых говорится о совсем молодом человеке с ДЦП с полностью сохранным интеллектом,

который, однако, прикован к инвалидной коляске и которого сложно понимать из-за не слишком разборчивой речи. Там же мы видим характерное изображение его матери:

Уставшее, изможденное лицо, ранняя седина в негустых волосах, заколотых на затылке, простое темное платье. И затравленное выражение загнанной львицы, которая готова в любой момент броситься на любого, защищая своего ребенка. И ему 20 лет. Столько лет беспомощности, изоляции от внешнего мира, зависимости от матери, единственного человека, которому он дорог [16].

Здесь не только мотив обузы, даже «креста» для близкого человека с инвалидностью, но также характерное представление о том, что такие люди живут в полной изоляции, крайне одиноки и не представляют собой никакой ценности (тут я имею в виду дословное значение латинского *invalidus* – не имеющий ценности).

Такие люди обретают «ценность», только если работают «на благо общества». Например, в романе Т. Поляковой «Голос, зовущий в ночи» речь идет о молодом человеке, якобы ставшем инвалидом, но на самом деле успешно обманывавшем врачей (неудачный вымысел автора), а также окружающих и свою сестру. Подруга сестры (впоследствии ставшей жертвой преступления) так говорит о нем: «Что бы он без нее делал? Теперь один-одинешенек. Неизвестно, что бы с ним было, если бы не сестра. Она за ним не только ухаживала. Работой загрудила. В общем, парень жил полноценной жизнью. <...> Конечно, стать инвалидом, да еще в таком возрасте, испытание не для слабонервных. Так вот: Олег – мужик крепкий, нюни не распускал. Пытался жить, как нормальные люди» [17].

Труд для человека с ОВЗ рассматривается не как ценность сам по себе (способ самореализации), даже не как способ стать экономически независимым, но как условие «жить, как нормальные люди». Однако и в этом случае люди с ОВЗ никому, кроме самых близких людей, не нужны.

В серии романов Р. Гэлбрейта выведен сыщик Корморан Страйк, оказавшийся инвалидом во время военных действий в Афганистане и после депрессии, реабилитации и разнонаправленных поисков себя ставший успешным частным детективом:

В Афганистане, потеряв полноги, он тоже временно утратил контроль над сознанием. Стремительно и внезапно выхваченный из реальности, перенесся к тем считанным секундам, обостренного предчувствия, предчувствия и ужаса, которые предшествовали взрыву его «Викинга», инвалидности и окончанию военной карьеры ...В ту пору он приспособливался к жизни без половины ноги. Взрыв самодельной

бомбы на пыльной афганской дороге отшвырнул Страйка от выбранной им судьбы, затем погрузил в незнакомое тело и незнакомую реальность. ... Ему предстояло заново учиться ходить и, что совсем не легче, как-то жить в отрыве от армии [9].

Здесь перед нами иной опыт – репрезентация так называемой внезапной инвалидности (*sudden disability*), сопровождающейся изменением телесности и техник тела. Но этот опыт при всей его трагичности не помешал герою не просто быть «загруженным работой» (как в романе Т. Поляковой), но найти в этой работе себя.

Другая сексуальность для Других тел?

В тех случаях, когда в российских детективных историях речь заходит о людях с ОВЗ, для них почти никогда «не предусматривается» сексуальная жизнь и создание семьи. Это проблема не только массовой литературы, но и общества в целом, в котором такого рода сексуальность давно и прочно табуирована [18]. Как видно из приведенных выше примеров, люди с разными категориями инвалидности рассматриваются как живущие в одиночестве и даже в социальной изоляции, а их телесность, как правило, выглядит не просто непривлекательно, но иногда отталкивающе. Они не могут претендовать на «нормальную» сексуальную жизнь и «нормальную» семью.

Например, в романе А. Даниловой «Смерть отключает телефон» (сочетающем элементы детектива и любовного романа) изображена внезапно и необъяснимо теряющая зрение молодая женщина. Она находится в состоянии глубокой депрессии, одинока и беспомощна. В конце книги некий благотворитель оплачивает героине операцию, которую делают, разумеется, за границей и которая столь же необъяснимо полностью возвращает зрение, после чего героиня обретает любовь и так называемое «женское счастье» [19]. И, как нередко бывает в подобных историях, довольно мало достоверных сведений (не объясняется, чем вызвана внезапная слепота молодой женщины, что и почему могло помочь вернуть зрение и как вообще возможно такое «чудесное исцеление»). Похоже, что вся история была задумана именно для того, чтобы героиня не превратилась в одного из тех инвалидов, которых автор называет «ущербными» и для которых семейное счастье и сексуальные отношения представляются невозможными. Как описывалось в уже упомянутом романе Е. Михайловой «Закат цвета индиго», бизнесмен с Другой телесностью живет одиноко, а о какой-либо сексуальной жизни не упоминает-

ся вовсе. Сексуальные и семейные отношения являются фигурой умолчания и в других рассмотренных в этой статье текстах. Это не просто табуирование «инвалидной сексуальности», но репрезентация человека с ОВЗ как асексуального, реже гиперсексуального (последний стереотип чаще относится к людям с ментальными нарушениями, их сексуальность следует контролировать и даже подавлять) (подробнее об этом см.: [18–22]).

В зарубежных детективных романах подход к «инвалидной сексуальности» совершенно иной. Так, в романе «Ради Елены» сексуальность и телесная привлекательность героини неоднократно подчеркиваются. Например, вот один из таких эпизодов – фрагмент беседы инспектора Линли с подружкой Елены Мирандой:

Мама сошла бы с ума от счастья, если бы у меня была хотя бы десятая часть Елениных кавалеров. Она нравилась мужчинам, инспектор. – Тебе было это нелегко понять? – Нет, я знала, почему она им нравилась. Она была жизнерадостной, веселой, любила говорить и слушать, что ужасно странно, принимая во внимание, что на самом деле она ничего этого не умела, правда? Но каким-то образом создавалось впечатление, что когда она с вами, она полностью растворяется в вас. Поэтому я понимаю, почему мужчинам, ну, вы знаете [14].

В книге много довольно откровенных эпизодов, в которых Елена репрезентируется не просто телесно привлекательной, общительной, но и весьма сексуально активной. Отчасти автор изображает сексуальную активность Елены как ее попытку быть «как все», т.е. полностью войти в мир «нормальных» людей.

В серии детективных романов той же писательницы постоянно встречается персонаж Сент-Джордж, попавший в автомобильную катастрофу и оставшийся инвалидом (у него серьезно повреждена нога, он носит специальный аппарат и ему довольно сложно передвигаться), который, пережив длительное лечение, депрессию и реабилитацию, не просто реализует себя в работе (становится известным криминалистом), но и обретает семью (его сексуальная партнерша, потом его жена – привлекательная внешне молодая женщина).

Нечто подобное мы видим в историях Р. Гэлбрейта о детективе Корморане Страйке, который хотя и не имеет семьи, но не обделен женским вниманием:

Все его подружки – красавицы. ...Страйк привлекал на редкость эффектных женщин. При его-то медвежьей внешности, при его волосах, которые, она сама слышала (речь идет об одной из героинь той же серии детективов. – Е. Н.-Ш.), он называл лобковыми [9].

В зарубежных детективах «инвалидная сексуальность» не только не табуирована, но и не стигматизирована, она становится объектом художественного повествования точно так же, как и сексуальность условно здоровых людей.

Заключение

Разумеется, в этой небольшой статье мне удалось проанализировать лишь малую часть детективных историй российских и зарубежных авторов, в которых встречается репрезентация телесности и техник тела людей с ОВЗ, и выводы, которые мне удалось сделать, имеют предварительный характер. Давняя традиция стигматизации инвалидности в целом и людей с ОВЗ в российском обществе в частности не могла не найти своего отражения в массовой литературе, где они обычно описываются как худшие люди, обладающие худшей телесностью. Этому в немалой степени способствует распространенная не только в отечественной науке, но и в медицине и социальной работе, а также социальной политике медицинская модель инвалидности. В ее рамках люди с инвалидностью – тяжелобольные, от которых ничего не зависит, они отстранены от принятия решений, о них заботится государство. Такой патерналистский подход также весьма способствует пассивности самих людей с ОВЗ, и все это не могло не найти отражения в массовой литературе.

За рубежом, где, как уже говорилось, в последние несколько десятилетий многие группы, в том числе люди с ОВЗ, добились существенного расширения своих прав, стигматизация не проявляется столь очевидно. А возникшая традиция политкорректности не дает авторам художественных произведений изображать людей с ОВЗ как непривлекательных телесно и не имеющих будущего, тем более употреблять при их репрезентации пейоративные определения («ущербные», «калеки», «глухонемые»).

Массовая литература в обоих случаях является отражением многих процессов, протекающих в обществе, она репрезентирует стереотипы, клише и даже страхи и предубеждения. Более того, в силу своей массовости такая литература способствует формированию и распространению многих представлений и стереотипов.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 20-09-00063 А.

Примечание

1. Носенко-Штейн Е.Э. Расширяя границы исследований: изучение инвалидности в гуманитарных и социальных дисциплинах // Вестник Нижегородского университета. Социальные науки. 2022 (в печати).

Список литературы

1. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. С. 242–264.
2. Носенко-Штейн Е.Э. Тяжесть стигматов: репрезентация человека с ОВЗ в современной российской массовой литературе // *koiron*. 2021. Т. 2. № 2. С. 48–69.
3. История уродства / Под ред. У. Эко. М.: Слово, 2007. 456 с.
4. Bolt D. The Metanarrative of Blindness: A Re-reading of Twentieth-Century Anglophone Writing. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2014. 176 p.
5. Bernstein F. Prosthetic Promise and Potemkin Limbs in Late-Stalinist Russia // *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life* / Ed. by M. Rasell, E. Yarskaya-Smirnova. Oxford: Routledge, 2014. P. 42–66.
6. Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018.
7. Михайлова Е. Счастье Марии Ивановны [Электронный ресурс]. Встреча в час волка: Сборник рассказов. М.: Эксмо, 2017. URL: <https://topliba.com/books/629729> (дата обращения: 16.06.2021).
8. Солнцева Н. Натюрморт с серебряной вазой. М.: АСТ, 2013. 384 с.
9. Гэлбрейт Р. Смертельная белизна М.: Азбука, 2019 (книга доступна на: <https://www.litres.ru/robert-gelbreyt/smertelnaya-belizna/chitat-onlayn/>).
10. Garland-Thomson R. Extraordinary Bodies: Figuring Physical Disability in American Culture and Literature. New York: Columbia University Press, 1997.
11. Астахова Н.В., Большаков Н.В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–66. 200 p.
12. Луганцева Т. Шах белым конем от белой королевы. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 322 с.
13. Большаков Н.В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 154–165.
14. Джордж Э. Ради Елены / Пер. с англ. Е. Моисеевой, Е. Скрылевой. М.: Иностранка, 2004.
15. Михайлова Е. Закат цвета индиго. М.: Эксмо, 2010. 355 с.
16. Михайлова Е. Солнце в крови. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
17. Полякова Т. Голос, зовущий в ночи. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
18. Ярская-Смирнова Е.Р. Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности: Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 223–244.
19. Данилова А. Смерть отключает телефон. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
20. Shakespeare T., Gillespie-Sells K., Davies D. The Sexual Politics of Disability: Untold Desires. New York: Cassell, 1996. 256 p.
21. Прокопенко Ю. Секс и инвалидность: Предрассудки в отношении сексуальной жизни инвалидов и неинвалидов // Сексолог. 2001. URL: <http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm> (дата обращения: 16.06.2021).
22. Клепикова А. Наверное, я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.

**OTHER BODIES IN THE CONTEXT OF DISABILITY AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF REPRESENTATION OF DISABLED BODIES
IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND BRITISH MASS FICTION**

E.E. Nosenko-Stein

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Other bodies and other bodily techniques have been considered depending on a concrete historical and cultural context. In ancient cultures other bodies of disabled persons had been usually perceived as dealing with negative characteristics of a person, and attitudes to such bodies were mostly negative. Notions of disabled people and their bodies started to change since the Renaissance period. A «gallery of portraits» of various disabled persons appeared in art and fiction. However, a stigmatization of disability in general and disabled bodies is still widespread in the Russian society. Different stereotypes and labels are also typical for Russian contemporary mass literature.

Mass movements of various minorities including disabled people in the Global North resulted in the transformations in perception of disabled persons and their bodies. On these pages the author attempts to analyze representations of other bodies of disabled persons in Russian and English fiction. The author concludes that the paternalist view of disabled persons as ‘worse’, with ‘worse bodies’ is still widespread in the Russian society, deriving from the medical model of disability which is still popular in Russian academic studies and social policy. At the same time, the transformation of perceptions of disabled persons and their bodies as ‘extraordinary’ but not ‘worse’ have also their representations in the British mass fiction.

Keywords: disability, disabled persons, other bodies, Russia, stigmatization, fiction.